

«ИМПЕРСКАЯ РЕФОРМА» И МОНАРХИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. БРЮНИНГА

Лопатина М. В.

ФГБОУ ВПО Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия (644077, Омск, пр. Мира, 55), e-mail: m.lopatina@mail.ru

---

Рассматриваются монархические идеи канцлера Веймарской республики Генриха Брюнинга, тесно связанные с планами осуществления «имперской реформы». Данная реформа должна была привести к объединению администраций земель и рейха, а, в конечном счёте, к образованию децентрализованного унитарного государства. Ввиду сопротивления этим планам со стороны президента республики Гинденбурга, имевшего большое политическое влияние, все инициативы видных политических деятелей Пруссии по слиянию ряда берлинских министерств сошли на нет. Но Брюнингу удалось провести в жизнь ряд преобразований, затронувших сферу финансов. Посредством чрезвычайных декретов по разгрузке государственных финансов канцлер подвёл земли и общины к самоуправлению: они могли самостоятельно понижать любые бюджетные расходы также путем распоряжений. Расчёт Брюнинга заключался в том, что земельные правительства будут стремиться переложить ответственность за «непопулярные» меры на имперское правительство и добровольно отдадут свои полномочия рейху, что и позволит реформировать государственное устройство по его замыслу.

Ключевые слова: Генрих Брюнинг, Веймарская республика, «имперская реформа», политика Германии 1930-х гг.

“IMPERIAL REFORM” AND MONARCHICAL IDEAS OF H. BRUNING

Lopatina M. V.

FSBEI of HPE “Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky”, Omsk, Russia (644077, Omsk, 55, Mira Av.) e-mail: m.lopatina@mail.ru

---

This article describes monarchial ideas of Chancellor of the Weimar Republic Heinrich Bruning, that are closely related to his plans on "imperial reform" implementation. This reform should have led to the union of the administrative authorities of Lands and Reich, and ultimately to the formation of the decentralized unitary state. In view of the resistance to these plans by the President of the Republic Hindenburg, who had a great political influence, all the attempts of conspicuous statesmen of Prussia to merge a number of Berlin ministries had come to naught. But Bruning managed to carry out some reforms, that affected only the sphere of finance. By means of the emergency decrees for public finances unloading the Chancellor led the Lands and Communities to the self-government: they could reduce any budgetary expenditures by means of decrees also. According to Bruning's reckoning, Land authorities were meant to shift the responsibility for the “unpopular” measures to imperial government and voluntarily resign their commissions to Reich, making it possible to reform the state structure according to his plan.

Key-words: Heinrich Bruning, Weimar Republic, "imperial reform", German politics of 1930s.

Введение. Генрих Брюнинг, 14-й канцлер Веймарской республики, дважды в 1930–32 гг. возглавлявший правительство, в научных кругах считается очень противоречивой фигурой. После издания мемуаров Брюнинга в 1970 г. для всех участников дискуссии по поводу его политики в период канцлерства стало ясно, что целью и отправной точкой брюнинговской политики являлось «мирное восстановление монархии». Хотя Брюнинг в своих воспоминаниях и не излагал систематически своей конституционной концепции, и его соображения по этому вопросу отражены лишь в беседах с президентом Гинденбургом, генералом Шлейхером, называемым часто серым кардиналом президента, Гитлером,

Гугенбергом и др., налицо была его решительная монархическая позиция. Но остаётся во многом не ясно: являлась ли политика Брюнинга «реставрационной стратегией» или только вынужденной альтернативой, порождённой сложной экономической и политической ситуацией начала 1930-х гг. Автор данной статьи ставит своей целью уточнение ответа на данный вопрос.

По свидетельству секретаря имперской рейхсканцелярии Германа Пюндера, он и Брюнинг часто беседовали об «идеале парламентской монархии». Но так как время «для реализации этих планов было упущено как минимум на целое десятилетие, мы не излагали эти наши идеалы в каких-либо официальных предложениях» [9].

Ряд немецких исследователей также обращает внимание на то, что реставрационные настроения Брюнинга не являлись основой его политики [8, с. 90-91] и что в 1930-е годы идеи восстановления монархии вообще едва ли были популярны в Германии. Поэтому, возможно, что Брюнинг признавался в своей принципиальной приверженности к монархии, не придавая этому большого политического значения. С другой стороны, его монархические планы могли быть связаны с «имперской реформой», поскольку та «требовала не только личной унии между главами правительств рейха и Пруссии, но также и предельной последовательности объединения глав земель» [1, с. 137] государства, которое и после свержения монархии в 1918 г. продолжало называться по-прежнему Германской империей и по-прежнему оставалось во многом союзным государством.

Идея «имперской реформы» окончательно вызрела у канцлера летом 1931 г., под воздействием финансового кризиса, который поставил под угрозу платежеспособность не только Германской империи, но и её земель и общин.

По собственному убеждению Брюнинга, экономический кризис внутри страны невозможно было преодолеть без вмешательства в бюджеты земель. Этой же точки зрения придерживался и прусский премьер-министр социал-демократ Отто Браун, который считал, что пришло время для решительных действий в вопросе тесного сотрудничества правительств обоих уровней, прежде всего, с целью сдерживания роста затрат административного аппарата земель и империи. Это намерение приветствовалось также и в экономических кругах страны, сетовавших на высокие административные расходы земель.

11 августа 1931 г. в главном печатном органе социал-демократов – газете «Форвертс» („Vorwärts“) Отто Браун опубликовал передовую статью, приуроченную ко дню конституции, в которой высказался за объединение части администраций империи и Пруссии, а именно: берлинских министерств внутренних дел, финансов и юстиции. Браун

также рекомендовал «выработать принципы разумной рационализации германского управленческого аппарата» и заявлял, что «Пруссия поможет расчистить путь для имперской административной реформы, в рамках которой на широкой основе соберутся все те, кто понимает: сейчас ... необходимо освободить государственный корабль от ненужного балласта». Браун был даже готов уйти в отставку, чтобы не просто дать возможность Брюнингу занять по совместительству должность прусского премьер-министра, но и обеспечить, таким образом, независимость действующего канцлера, его освобождение от чрезмерного «доверия Гинденбурга» [6, с. 379], т.е. его освобождение от чрезмерного вмешательства президентского окружения в правительственные дела.

Статья Брауна появилась, однако, в самый неблагоприятный момент: 9 августа 1931 г. в Пруссии состоялся референдум в пользу роспуска социал-демократического правительства, инициатором которого, еще в апреле 1931 г., выступила консервативная организация «Стальной шлем», представлявшая собой фактически военное крыло правой Немецкой Национальной Народной партии. Референдум провалился, но набрав 37 % голосов избирателей, правые обеспечили себе «психологический успех», эффект которого был усилен ещё и тем, что прусское правительство чрезвычайными декретами от 28 марта и 17 июля 1931 г. значительно ограничило свободу прессы, а 7 августа, накануне референдума, потребовало от всех газет публикации довольно резкого обращения, направленного против референдума [3, с. 342]. После этих событий на поддержку предложения Брауна об объединении земельного и имперского правительств нечего было и надеяться, тем более, что президент Гинденбург высказался отрицательно в отношении прусского премьер-министра, заявив: предложение Брауна будет означать «медиатизацию Пруссии». Брюнинг предпринял попытку переубедить президента, Гинденбург попросил время на размышление, но потом решительно отверг предложение Брауна, выдвинув такой аргумент: если канцлер в качестве главы прусского правительства будет от него, президента, независим, пострадает его (Гинденбурга) государственно-правовая позиция [6, с. 380].

21 августа 1931 г. в журнале «Дер Дойче Фольксвирт» („Der Deutsche Volkswirt“) появилась ещё одна статья, автором которой являлся член Государственной (бывшей Немецкой Демократической) партии прусский министр финансов Герман Хёпкер-Ашоф. Министр повторил то, что сказал на собрании своей партии 15 августа: Германии необходимо «авторитарное правительство на парламентской основе». По словам Хёпкер-Ашофа, «если мы не сможем обеспечить сильное руководство, авторитет правительства, мы вынуждены будем смириться с диктатурой. В случае, если она (диктатура) придет в лице

Брюнинга, то окажется приемлемой, потому что этой диктатурой будет управлять не авантюрист» [6, с. 380-381].

Статья Хёпкер-Ашофа, поддерживавшая план объединения обоих берлинских правительств, как и статья Брауна, вызвала волну негодования в правых кругах, которые заговорили об «опасности для империи и Пруссии», заключающейся в «выдаче имперской исполнительной власти марксизму». В связи с этим уже на следующий день после публикации Хёпкер-Ашофа прусское правительство вынуждено было отмежеваться от её идей.

Судьба проекта объединения имперской и прусской власти решилась окончательно 24 августа в курортном местечке Кройт на встрече Брюнинга с генералом Шлейхером. Шлейхер не был принципиальным противником слияния правительств, но исключал участие в проекте СДПГ, в особенности министра внутренних дел Пруссии социал-демократа Карла Зеверинга. (Более тесное сближение Брюнинга с прусскими социал-демократами противоречило намерениям окружения Гинденбурга расширить социально-политическую базу кабинета за счёт правых.)

Несмотря на то, что по вопросу оспариваемой правыми «имперской реформы» правительство Брюнинга не проявляло никакой видимой инициативы, ярые сторонники сохранения федерализма видели в канцлере своего врага, так как он явно стремился расширить компетенции рейха [7, с. 37]. Сам же Брюнинг, не провозглашая никаких программ изменения конституции, тем не менее смог подготовить «имперскую реформу» в сфере финансов. И судя по всему, не намерен был ею ограничиваться.

Как написал в своих мемуарах Брюнинг, «было важно психологически оставить имперскую реформу для более поздней стадии. Налогоплательщики и чиновники должны были осознать, что земли, за исключением Вюртемберга, Бадена и Пруссии, не только не проводят основательной финансовой политики, но также и не имеют мужества действовать под свою собственную ответственность» [4, с. 389].

Изыскание новых источников доходов для земель и общин, прописанное уже в чрезвычайных декретах от 26 июля и 1 декабря 1930 г., а затем в декрете от 24 августа 1931 г., наряду с разгрузкой государственных финансов имело и побочный эффект, желанный для Брюнинга: подводило земли и общины к самоуправлению. Особое значение в этом вопросе имел Дитрамсцелльский чрезвычайный декрет от 24 августа 1931 г. (названный так в связи с его принятием в местечке Дитрамсцелль, где в тот момент проводил свой отпуск президент), которым имперское правительство уполномочило земельные правительства самостоятельно,

путем принятия соответствующих распоряжений, решать все вопросы, связанные с «выравниванием» бюджетов общин. Декрет наделял земельные правительства правом путем распоряжений, то есть без одобрения со стороны ландтагов, понижать любые бюджетные расходы земель и общин – даже в обход действующего законодательства [4, с. 372; 2, Dok. Nr. 454. Ministerbesprechung vom 22. August 1931, 16 Uhr. P. 6. Gemeindefinanzen. S. 1612.]. Таким образом, центральная исполнительная власть предлагала местным властям следовать своему собственному примеру.

В своих мемуарах Брюнинг прямо писал, что Дитрамцелльский чрезвычайный декрет преследовал не только цель освободить государственную казну от обязательств в отношении земель и общин, а представлял собой важный элемент всей его внутривластной стратегии: канцлер рассчитывал, что земли, оказавшись бессильными, спустя некоторое время отдадут свои новые полномочия рейху, создав тем самым возможность для осуществления реформирования самой Германской империи [4, с. 372].

От правительств земель не укрылось намерение Брюнинга добиться усиления централизованности власти за счёт «имперской реформы», которая скрытым образом, посредством проведения вынужденных мер по экономии средств, должна была привести к упразднению федералистских структур. Уже экономическая и финансовая программа осени 1930 г. вызвала у земель недоверие и тревогу, так как изложенные в ней финансовые мероприятия могли поставить под угрозу конституцию, а главное, жизнеспособность земель.

То, чего опасались от последствий правительственной программы более крупные территории, видно на примере земель Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Штрелиц. Несмотря на их преимущественно аграрно-ориентированную экономику, они не были включены в программу «восточной помощи», направленную на «оздоровление» поместий восточноэльбских юнкеров, и находились на грани банкротства. Поэтому Штрелиц безуспешно пытался добиться присоединения к Пруссии, а шверинский министр Хаак, требовавший более жестких мер экономии и жаловавшийся на отстранение земель от государственной политики, угрожал тем, что крах его земли неизбежно приведет к постановке вопроса «имперской реформы» (угроза, конечно, не произвела на канцлера никакого впечатления, который к тому же тоже мечтал об «имперской реформе», хотя и совершенно иной) [2, Dok. Nr. 421. Der Finanzminister von Mecklenburg-Schwerin an den Reichskanzler. Schwerin, 30. Juli 1931. S. 1467-1469].

Финансовый кризис ударил по землям – большим и маленьким – с одинаковой силой. Все они уже в сентябре 1931 г. жаловались на губительные последствия Дитрамцелльского

чрезвычайного декрета августа 1931 г. [2, Dok. Nr. 459. Besprechung mit norddeutschen Länderministern vom 1. September 1931, 11 Uhr. S. 1639-1641; Dok. Nr. 470. Besprechung mit den süddeutschen Ministerpräsidenten vom 15. September 1931, 11 Uhr. S. 1688-1689]. Так, в Саксонии, которая особенно по сравнению с Пруссией чувствовала себя обделенной при распределении промышленных заказов государства, рост числа получателей государственной социальной помощи привёл к неплатежеспособности её общин, предотвратить которую саксонское правительство уже вряд ли могло ввиду сокращения государственных налоговых поступлений и радикализации населения.

Если жалобы небольших и средних земель Брюнинг мог оставить без внимания, так как они в итоге все-таки подчинялись воле его правительства, то в лице баварского премьер-министра Генриха Хельда канцлер нашел умного и настойчивого противника. Хельд неоднократно заявлял, что «новое финансовое и экономическое законодательство империи используется для того, чтобы расчистить путь большой унитарной имперской реформе» [5, с. 343]. Бавария видела себя оплотом федерализма и подозревала в каждом внутривнутриполитическом мероприятии канцлера унитарные посягательства. Противостояние Баварии и империи приводило к натянутым личным отношениям между Брюнингом и Хельдом.

К членам прусского правительства Брюнинг относился с большим уважением, и они отвечали ему тем же, несмотря на то, что политические и идеологические позиции Отто Брауна и Карла Зеверинга расходились с позициями канцлера намного больше, чем позиции того же Генриха Хельда. Финансовая и экономическая политика кабинета Брюнинга находила поддержку прусского правительства социал-демократа Отто Брауна. Тяжелое финансовое положение земли стало очевидным осенью 1930 г., когда возникли сложности с выполнением финансовых обязательств по программе «восточной помощи». Необходимость же выплачивать государственную социальную помощь из фондов общественной благотворительности привела к задолженности общин и, следовательно, к росту дефицита прусского бюджета. Зеверинг как министр внутренних дел просил имперское правительство о помощи, ссылаясь на опасность голодных бунтов вследствие бюджетной неплатежеспособности Рурской области и Центральной Германии. Но Брюнинг и министр финансов Дитрих не могли оказать никакой помощи в силу «собственного» – общегерманского – дефицита и призывали землю и ее общины к режиму строгой экономии.

Конфликты с Пруссией возникали в основном или из-за личного недовольства президента Гинденбурга политическими акциями прусской Веймарской коалиции (тогда

Брюнинг вынужден был выступать в роли посредника), или в результате выдвигаемых Пруссией требований к правительству. Эти кризисы особенно подчёркивали сложность выбранного Брюнингом пути: проводить консервативную политику при толерантности левых и сопротивлении правых, и таким образом, чтобы прусское правительство выполняло функцию усмирения фракции СДПГ в рейхстаге.

Но так или иначе, тяжелое финансовое положение земель укрепляло надежды Брюнинга на возможное проведение «имперской реформы» в ближайшем будущем. Согласно третьему чрезвычайному декрету по обеспечению стабильности экономики и финансов, принятому 6 октября 1931 г., земли приобретали все права и полномочия относительно бюджета и санации финансов, но одновременно несли и полную ответственность за их состояние. Это являлось вмешательством в существующие государственно-правовые отношения и означало шаг в направлении изменения конституционной основы системы Веймарской республики [10, с. 77].

Как известно, преемник Брюнинга на посту канцлера, фон Папен, 20 июля 1932 г. осуществит слияние прусского и имперского правительств, а Адольф Гитлер – «унификацию земель с рейхом», т.е. создание строго централизованного государства. Казалось бы, Брюнинг лишь предвосхищал все эти планы. Но это не так.

В представлении канцлера Брюнинга отношения империи с её землями должны были быть аналогичны отношениям Пруссии с её провинциями после реформ 1807–1823 гг. То была мечта о децентрализованном унитарном государстве с развитым самоуправлением на местах, избрание органов власти в котором должно было осуществляться иначе, чем в старой Пруссии, основываясь на повсеместно введённом в 1919 г. всеобщем и равном избирательном праве. Только на такой конституционной основе, то есть после устранения федералистской структуры империи, Брюнинг считал монархию целесообразной [5, с. 343-344].

Таким образом, видение монархии Брюнингом было специфическим и самобытным. В монархии он видел не цель, а лишь инструмент для становления децентрализованного унитарного государства. Именно для этого он и предпринял попытки реформирования существующей системы власти. И хотя проведенные Брюнингом изменения носили лишь частный характер и не затронули общей системы государственного устройства, именно они могли послужить основой для преобразования Веймарской республики в по-настоящему единое национальное государство. Такая форма правления как монархия оказалась близка канцлеру не только и не столько ввиду его личных симпатий к английской конституционной

монархии, но ещё и потому, что в ней он, по-видимому, видел возможность ухода от потенциальной угрозы нацистской диктатуры.

Список литературы

1. Ерин М. Е. Генрих Брюнинг. Канцлер и политик: Биография / М. Е. Ерин. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 319 с.
2. Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Die Kabinette Brüning I u. II / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Bearb. von T. Koops. – Boppard am Rhein, 1982. – Band 2. – P. 919-1822.
3. Bracher K.-D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. – Düsseldorf, 1984. – 710 P.
4. Brüning H. Memoiren. 1918-1934. – Stuttgart, 1970. – 721 P.
5. Conze W. Die Reichsverfassungsreform als Ziel der Politik Brünings // Die Weimarer Republik: belagerte civitas / Hrsg. von M. Stürmer. – Königstein, 1985. – P. 340-349.
6. Hömig H. Brüning – Kanzler in der Krise der Republik: eine Weimarer Biographie. – Paderborn, 2000. – 876 P.
7. Mommsen H. Heinrich Brünings Politik als Reichskanzler: das Scheitern eines politischen Alleinganges // Wirtschaftskrise und liberale Demokratie: das Ende der Weimarer Republik und die gegenwärtige Situation / Hrsg. von K. Holl. – Göttingen, 1978. – P. 16-46.
8. Rödder A. Reflexionen über das Ende der Weimarer Republik. Die Präsidialkabinette 1930-1932/33. Krisenmanagement oder Restaurationsstrategie? // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 47. Jahrgang. – Heft 1. – Januar, 1999. – P. 87-101.
9. Schreiben Pünders vom 2.4.1962 // Brüning, H. Reden und Aufsätze eines deutschen Staatsmanns. – Münster, 1968. – P. 329.
10. Schulz G. Erinnerungen an eine misslungene Restauration. Heinrich Brüning und seine Memoiren // Der Staat. – № 1. – 1972. – P. 61-81.

Рецензенты:

Фоменко Светлана Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», г. Омск.

Сабурова Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.